

КЛЮЧ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ, ИЛИ НЕЛЕГКИЙ ХЛЕБ ШВЕДСКОГО МОНАРХА

Однажды, показывая Стокгольм своей петербургской знакомой, я повезла её в Дротнингхольм, летнюю резиденцию королей. Королевская семья занимает здесь только один флигель, остальные помещения открыты для посетителей.

В дальнем конце парка есть еще один «дворец» – Китайский. Фактически – это павильон для кофепития и приятных бесед. Туда я и повела свою знакомую – показать ей милую достопримечательность, более чем скромную для российского глаза. Миновав центральную аллею, мы повернули к «дворцу». Неожиданно в шпалерном кустарнике зашуршало, ветки раздвинулись, и перед нами появился... шведский монарх, с охотничьей собакой на поводке. «А вот и король», – невозмутимо воскликнула я.

Посетителей в парке было немного. Ни на кого не глядя, король прошествовал мимо нас в глубину парка. Он был один. Защитная куртка, джинсы, резиновые сапоги. Находившиеся поблизости гуляющие даже вида не подали, что узнали монарха. Лишь когда он прошел, некоторые многозначительно переглянулись и посмотрели ему вслед. «Надо же, какой простой король! – восхитилась моя знакомая. – Не сказали бы – ни за что не подумала».

В Европе сегодня существуют десять монархий – семь королевств и три княжества: Великобритания,

Бельгия, Дания, Испания, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Лихтенштейн, Люксембург и Монако. Все они государства демократические, где старинная форма правления – своего рода сосуд, в котором хранится традиция. Это как камин в современном доме – несколько раз в году вокруг него собирается вся семья, чтобы ощутить свой единство, а потом, когда дрова прогорят и угли погаснут, вернуться к повседневным делам.

За тысячелетнюю историю монархии на шведском престоле побывало около 70 венценосцев. «Около» потому, что историки не всегда в состоянии определить, кто правил королевством в смутные времена, которые случались не раз. Официально за ныне царствующим Карлом XVI Густавом закреплен номер 74.

В повседневной жизни страны короли незаметны. Их час наступает в дни празднеств и торжеств, когда они внушают подданным чувство национального единения и связи времен. Это их работа, как любых других государственных служащих, с той лишь разницей, что работа пожизненная. Обстоятельство, требующее особой осмысленности в поведении и поступках.

Шведы любят своих королей и относятся к

ним как к родственникам: с энтузиазмом приветствуют, когда те появляются на людях, с интересом следят за их личной жизнью, шлют поздравления и подарки по особым случаям, радуются вместе с ними, переживают по печальным поводам.

Карл XVI Густав – из династии Бернадотов, основанной французским маршалом Жаном Батистом Бернадотом, сподвижником Наполеона. Будучи уже в маршальском чине, в 1810 году Бернадот

был усыновлен бездетным Карлом XIII, в царствование которого Швеция потеряла треть своей территории и четверть населения: после русско-шведской войны 1808–1809 годов шесть финских провинций, более 600 лет пребывавших под шведским владычеством, отошли к России. Послужной список Жана Батиста Бернадота вселял в шведов надежду на возврат утраченных земель. Но вместо борьбы за Финляндию бывший маршал нашел общий язык с императором Александром, что повлекло за собой в 1814 году присоединение Норвегии.

Наследным принцем Бернадот стал в 47-летнем возрасте. Восемь лет спустя он был коронован под именем Карла XIV Юхана и вошел в историю как один из наиболее популярных в Швеции королей.

Карл XVI Густав – седьмой в династии Бернадотов. Начало его жизни было трагическим: в 9-месячном возрасте он потерял отца, погибшего в авиакатастрофе. Кроме матери его воспитанием занимался дед, король Густав VI Адольф, которого Карл Густав и сменил на троне после его смерти в 1973 году.

Восшествие на престол молодого короля знаменовало новый этап в истории шведской монархии. Если оглянуться на ближайшие сто лет, можно увидеть, что отношения между народом и монархией развивались в Швеции весьма динамично. Еще в начале минувшего столетия, отмеченном борьбой республиканцев с роялистами и либералов с консерваторами, между противоборствующими сторонами возникло нечто вроде компромисса, согласно которому монархия сохранялась, но как бы с подрезанными крыльями – во избежание реального влияния короля на политическую жизнь страны. Густав V и Густав VI Адольф строго соблюдали этот принцип, за что снискали искреннюю любовь нации, в том числе и представителей левой общественности.

На рубеже 1960–1970-х годов, ввиду весьма преклонных лет Густава VI Адольфа, правительство задумалось о будущем страны, когда королем станет его внук. А задуматься было о чем. Дело в том, что Карл Густав – дислексик от рождения. Болезнь эта проявляется в задержке развития способностей к чтению, письму, запоминанию орфографии, в трудностях с восприятием информации, в нечеткой артикуляции, проблемах с короткой вербальной памятью. Иными словами, недуг, никак не подходящий для главы государства.

Конечно же, с ним занимались, стремясь компенсировать природные недостатки. Рос наследный принц, как и все дети, веселым, спортивным, интересующимся техникой и любящим руч-

ные поделки. Но с теоретическими дисциплинами были проблемы. Выпускные экзамены в элитном интернате будущий король сдал едва-едва.

В руководстве страны отчетливо понимали, кто в обозримом будущем взойдет на трон, и заблаговременно озаботились необходимыми изменениями в Конституции. Окончательно они были сформулированы в августе 1971 года в гостинице «Каттегат», в курортном местечке Туреков в южной Швеции, куда съехались представители социал-демократической и буржуазных партий. Пройдясь ножницами по соответствующей главе Основного закона, они сделали новую выкройку королевской власти, которая получила законодательное оформление в 1974 году. Курортные договоренности вошли в историю под именем «Турековского компромисса».

Нужно отдать должное деликатности, с какой политики отнеслись к изменению «формы правления» (так именуется закон, касающийся монархии): оно могло произойти только после того, как престарелый монарх почил в бозе; пока же он был жив, никто и помыслить не мог, чтобы оскорбить его бесосновательным ограничением власти.

Согласно новой форме правления, король больше не формировал правительство, даже формально; эта функция полностью отходила парламенту. Никаких решений государственного характера глава страны принимать не мог. У него больше не было права жаловать кого-либо благородными званиями, а отличившихся в его глазах он мог награждать лишь собственными – королевскими – орденами и медалями. При этом сам король обре-

тал право избирательного голоса и в этом смысле становился в один ряд со своими подданными. Теперь ему отводились исключительно представительские и церемониальные функции как «высшего представителя страны в отношениях с другими государствами». Отныне в его компетенцию входили выдача верительных грамот шведским послам, аккредитация иностранных послов, роль принимающей стороны в ходе государственных визитов руководителей иностранных государств и государственных визиты в другие страны. Поскольку по своему положению король находится над обществом, он не может обсуждать политику, равно как и делать заявления политического характера.

Обязанности свои Карл XVI Густав исполняет добросовестно и пользуется популярностью и любовью как у своих подданных, так и за пределами королевства. Он часто ездит с торгово-экономическими делегациями. На важных спортивных соревнованиях его всегда можно видеть на трибунах – одного или с королевой – активно болеющим за своих атлетов.

Но случались и проколы. Однажды в ходе визита в

Кронпринцесса Виктория, принц Карл Филипп, принцесса Мадлен

Бруней, видимо, расстрогавшись радушным приемом, Карл Густав чрезвычайно тепло отозвался о тамошнем султানে, отметив его близость к народу, и назвал страну «более открытой, чем любая другая». Высказывание обернулось газетным скандалом. Демократическая общественность сочла, что король сделал политическое заявление, нарушив тем самым Конституцию.

Бывали и намеренные промахи, на которые подданные существенно менее благосклонно.

В минувшем году вышла в свет очередная биография шведского венценосца, с довольно странным названием – «Карл XVI Густав – монарх поневоле». Начинаясь как классическое житие, к середине она становится похожей на только что захлопнувшийся ящик Пандоры, из которого успели разлететься все находившиеся в нем беды и напасти, принявшие вид повествований о похождениях короля в компании друзей детства и юных лет, о разудалых мальчишниках и куртуазных пирушках в традициях галантного века. Команда из трех авторов во главе с опытным литературным портретистом, подобно золотоискателям, тщательно просеяла биографию монарха и намыла немало «золотого песка».

Самого короля появление книги застало на традиционной осенней охоте, куда ринулись представители СМИ всех мастей и калибров. На сей раз им удалось не о количестве убитых лосей и козлов, а о реакции Карла XVI Густава на свое новейшее жизнеописание. Скандал получился немалый. Кто-то возмущался авторами, посмеявшись залезть в корзину с грязным королевским бельем, кто-то долго не мог придти в себя от вида «скелетов в монаршем шкафу».

Не успели улечься страсти, как выяснилось, что ближайший друг короля связался с одним из авторитетов шведской югославской мафии, чтобы попросить его поговорить с другим авторитетным человеком, тоже выходцем из бывшей Югославии, помогшим в свое время авторам скандальной биографии некоторыми сведениями, с тем чтобы тот не обнародывал якобы имевшиеся у него снимки, где Его Величество запечатлен при весьма компрометирующих обстоятельствах.

Мало того что неподобающее статусу место нахождения и сомнительные личности, так еще и связи с мафией, ведущие к королю! Друг-доброхот признал факт общения с подозрительными личностями и публично просил у короля прощения – что подвел его столь необдуманно поступком.

Оправившись после первого шока, народ потребовал объяснений: было или не было? В состоявшемся, в конце концов, интервью Карл XVI Густав заявил, что ни в чем таком, что могло бы скомпрометировать его как главу государства, он не участвовал и никаких связей с криминалом не имел. Однако эти запоздалые слова могли убедить разве что тех, кто и так был к этому готов; на лицах у остальных продолжали играть саркастические усмешки.

В итоге проехавшая по грязной луже карета гласности забрызгала не только камзол Его Величества, но и одежды монархии в целом. Рейтинг шведского монарха упал на 6 процентов.

История знает немало примеров не вполне высоконравственного поведения царствующих особ, но в додемократическую эпоху аристократию от остального общества отделяла высокая стена. Теперь же, когда непреодолимые ранее стены разобрали по кирпичику и быт монарших семей оказался у всех на виду, сами понятия «монархия» (если говорить о ней серьезно) и «принципы демократического устройства» смотрятся

рядом как белый и рыжий клоуны.

Социологический опрос в мае 2011 года, проведенный по следам новой биографии короля, показал, что только 44% респондентов соглашались и дальше видеть Карла XVI Густава на престоле. 41% выступали за отречение в пользу наследной принцессы Виктории, хотя всего лишь год назад эти цифры были 64 и 17% соответственно. За сохранение монархии высказались 66%, против 74% в марте 2010 года.

И хотя большинство нации высказывается за сохранение монархической формы правления, в обществе дают ростки идеи республиканизма, приверженцы которых требуют отказа от анахронического государственного устройства. Пусть даже формально по сути.

Один из главных аргументов антимонархистов состоит в том, что власть – пусть даже номинальная – не должна передаваться по наследству. В демократической стране глава государства избирается всеобщим голосованием. Неважно, что функции декоративно-представительские, важен сам принцип. Есть и компромиссные предложения. Например, сделать должность монарха пожизненно-выборной. Назначают же в США верховных судей пожизненно. А тут – пожизненно избирать. Умер король – выдвигайте кандидатуры на замещение вакантной должности. Ничего личного. Традиционный шведский подход.

Впрочем, те же республиканцы признают за

устаревшим строем и положительные стороны. Например, монархия обладает высоким пиар-потенциалом. Приехала торговая делегация во главе с премьер-министром, ну и что? Сколько их, премьер-министров, по свету ездит? Не сосчитать. А если делегацию возглавляет король, то это уже совсем другое – смотрится и ярче, и заметнее. И потом, когда на протяжении долгого времени одно и то же лицо, к нему привыкают, быстрее узнают, легче вступают в контакт. А королевские свадьбы? За бракосочетанием нынешней королевской четы наблюдали во всем мире около 500 миллионов телезрителей. И это в 1976 году... В общем, рациональное зерно присутствует.

Но сколь крупными ни были бы такие зерна, ни одно из них не в состоянии затмить республиканцам солнце «общего дела» – именно так переводится с латыни «res publica». А «невынужденные ошибки» Его Величества только подливают масла в огонь. Надо ли говорить, что ветер возмущения от биографического скандала всколыхнул знамена республиканцев? Председатель шведского Республиканского общества адвокат Петер Алтин прямо заявил: «Если дело так и дальше пойдет, скоро большинство будет против (монархии)».

Впрочем, отношение не ново. Еще один из главных шведских духовных авторитетов Август Стриндберг писал, что монархия «деморализует везде, где только присутствует». Возникшая в 1889 году социал-демократическая партия уже на раннем этапе нацелилась на отмену монархии, а в 1909 году записала это одним из пунктов своей программы, где он присутствует и поныне. Но когда в 1920 году социал-демократы пришли к власти, антимонархический пыл их несколько остыл, в том числе благодаря позиции отца-основателя партии Ялмара Брантинга, считавшего, что для изменения государственного строя необходим не только партийный, но и общественный консенсус. Этой позиции социал-демократы придерживаются по сей день и не часто вспоминают об одном из наиболее революционных пунктов своей программы.

Зато большую активность проявляет в этом вопросе Левая партия (бывшие коммунисты), которая, подобно Катону Старшему, требовавшему разрушения Карфагена, ежегодно вносит в парламент соответствующее предложение, против чего дружно голосуют все остальные партии, включая социал-демократов.

Будет уместным вспомнить, что из последних 100 лет социал-демократы находились у власти 65. В результате их правления Швеция стала считаться чуть ли не социалистической страной. В первую очередь, благодаря выстроенной ими системе социальной защиты. Пусть и при наличии частной собственности на средства производства. Социалистический реформизм показал всему миру, на что он способен, даже если и существует в монархических рамках, которые, впрочем, подвергались реформам. Например, через два года после рождения наследной принцессы Виктории, в 1979 году, было отменено правило престолонаследия только по мужской линии. Теперь кто первый на свет появился – тот и король (королева). Трудно сказать, что стало первопричиной реформы – неуверенность в появлении наследников мужского пола или же дань набирающему силу гендерному равенству.

Когда Карлу XVI Густаву исполнилось 60 лет, король Таиланда подарил ему двух слонов. Поблагодарив коллегу, шведский монарх решил не оставаться в долгу и ответить лосем, царем местных лесов и экологическим символом королевства. Однако этот знак вежливости вызвал бурю негодования у защитников живой природы, которые

решили, что в непривычном климате выжить лосю будет очень трудно, и потребовали отказаться от «безумного жеста». Доехал ли сохатый до далекого Таиланда, неизвестно: информации об этом в СМИ больше не появлялось.

Кстати, о свободе печати. Из всех европейских стран в Швеции она самая древняя. Законодательно оформлена еще в 1766 году. Находившийся тогда в великой силе парламент-Риксдаг принял «Указ о свободе печати», по которому государству запрещалось в лице кого бы то ни было препятствовать созданию и распространению печатных изданий, что, в свою очередь, означало отмену цензуры (она потом допускалась лишь в отношении сочинений религиозного характера). Кроме того, указ содержал еще два важных тезиса, закрепленных в дополнениях 1809 года: о публичном характере официальных документов и необходимости придания указу статуса закона.

Успешно действуя на всем протяжении своего существования, закон о свободе печати дошел до наших дней практически в первоначальном виде. Не в последнюю очередь благодаря ему

шведское общество считается сегодня одним из самых свободных в мире. Закон позволяет сохранять в тайне источник информации, а принцип публичности обеспечивает доступ абсолютно ко всем документам и материалам, не отмеченным грифом секретности.

Шведские короли – одни из самых малообеспеченных в Европе. Имея собственное состояние (которому очень далеко до капиталов князя

Монако или английской королевы), они живут главным образом на апанаж, то есть средства, выделяемые на содержание королевского дома. Двор Его Величества – более чем скромный. Свиты никакой. Дворянство в королевстве как таковое отсутствует. Рядом с королевским дворцом есть Дом дворянского собрания, но про балы и собрания аристократии ничего не слышно. В обыденной жизни дворян можно отличить лишь по именам и фамилиям.

Если в прежние времена шведские монархи вступали в брак только с равными себе по крови, то сегодня, в условиях демократии и всеобщего равенства, этот принцип не работает. Недавний пример – замужество наследной принцессы Виктории, вышедшей замуж за тренера по фитнесу и массажиста, сына соцработника и служащей электронной платежной системы Даниэля Вестлинга,

которого младшая сестра наследной принцессы сосватала ей в качестве персонального тренера.

Встреча состоялась в 2002 году. В 2010-м сыграли свадьбу, а в феврале этого года у супругов родилась дочь Эстель, новая наследная принцесса, в полном имени которой – Эстель Сильвия Эва Мэри – присутствуют имена двух ее бабушек – королевы Сильвии и бывшей банковской служащей Эвы Вестлинг.

Став мужем наследной принцессы, простолюдник Даниэль Вестлинг был пожалован титулом Его Королевского Высочества, принца Вестерготландского. Придворные герольды оперативно составили ему генеалогическое древо. Специалист по родословным Бьёрн Энгстрём наглядно продемонстрировал, что род Вестлингов восходит к шведской и финской аристократии. Среди предков присутствуют и королевские вассалы, и члены парламента, даже бывший президент Финляндии, а также некая родственница, обвиненная в ведьмовстве и избежавшая обычного в таких случаях утопления по причине оправдания. А не женился бы Вестлинг на принцессе, так и жил бы в неведении о собственном аристократизме.

И царствующая королева Сильвия – дочь успешного немецко-бразильского предпринимателя, по профессии переводчик. Именно в последнем качестве она и познакомилась со своим будущим мужем.

Когда-то русский поэт и певец Александр Вертинский сочинил песню «Желтый ангел». В ней есть такие слова: «Я усталый старый клоун, я машу мечом картонным, и в лучах моей короны умирает светоч дня»... Из чего бы ни были сработаны атрибуты современной монархии, камин, зажигаемый в древнем доме с центральным отоплением, по-прежнему греет душу собирающимся вокруг него членам большой семьи, именуемой шведским народом, обращая их мысли к славному прошлому и рождая надежды на счастливое будущее. А потому не жалко ни денег на дрова, ни расходов на трубочиста, ни других затрат на содержание этого старомодного символа. Впрочем, кое-кому такой способ семейного единения начал надоедать...

Ирина Дергачева,
корреспондент ИТАР-ТАСС в Швеции,
специально для «Янтарного моста». Стокгольм